

Хмурые девятиэтажные бастионы жилмассивов и согбенные шахтерские «шале» поселков. Одинокое бредущие среди терриконов рогатые уроженцы Урала и гудящие песнями в 500 кВ металлические великаны. Взирающие с высот главного проспекта барельефы сталинской эпохи, смеющиеся в подворотнях граффити уличных «сальвадоров дали» и аляповатые африканские хищники возле магазинов. И, конечно же, люди – спешащие, задумчивые, глуповатые, алчные, просветленные, ищущие, грустные, влюбленные и потерявшие всякую надежду. Все это – Горловка. Город вечной осени, наделенный неиссякаемой творческой энергией созидания.

Самый удобный способ познакомиться с городом – это попытаться узнать, как здесь работают, как здесь любят и как здесь умирают. Увы, но эта фраза принадлежит не мне, а гениальному французскому философу-экзистенциалисту Альберу Камю. С Горловкой я познакомился не сразу, хотя родился здесь и прожил не одно десятилетие. Если уж быть до конца честным, то с ней вообще мало кто близко знакомится. Большинство горловчан относятся к своему городу, как к старому, расшатанному шкафу, в котором хранится их повседневная одежда. Что-то привычное, незаметное, служащее исключительно для утилитарных целей. Но, увидев они подобный шкаф у соседей, то сразу же заметят необычную резьбу на дверцах, медные рифленые ручки и неповторимый текстурный рисунок дерева.

Для меня еще несколько лет назад Горловка была тем местом, откуда хотелось уехать и больше никогда не возвращаться. Улицы казались мрачными, люди – замкнутыми и неприветливыми, а горловская жизнь сродни вечной борьбе на грани выживания и суицида. Так думаешь, пока не увидишь другие «человеческие муравейники». Умирающие шахтерские поселки с их социально и духовно гниющими жителями. Мегаполисы, обитатели которых кичатся коммерческим монументализмом и псевдоевропейским образом жизни. Застывшие в постперестроечном кататоническом ступоре райцентры и села. Возвращаясь после всего этого в свой родной город, уже смотришь на него совсем по-другому. Случайные улыбки прохожих, уставшие и честные лица шахтеров, знакомые с детства дома и нестареющие терриконы. Все это рождает в глубине души безмерную симпатию к этому пыльному скитальцу степей, идущему по просторам времени и редко оглядывающемуся назад.

Вы спросите меня – а в какое время мне больше всего нравится этот город? Осенью. На закате. Сидя на холме за 245 кварталом и глядя на «канальские» изгибы, волей-неволей вспоминаешь строчки Александра Блока, словно бы написанные именно для этого момента:

Город в красные пределы Мертвый лик свой обратил, Серо-каменное тело Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон, Грязно-рыжее пальто, Развевающийся локон – Все закатом залито.

Предстающее перед тобой зрелище настолько захватывает и очаровывает, что практически теряешь счет времени. Оно незаметно замедляет свою кошачью поступь и, оглядываясь на потемневшие степные дали, соглашается одолжить тебе пару-тройку лишних минут, неучтенных Богом еще при сотворении мира. Пожалуй, именно эти мгновения и оставляют тот духовный отпечаток, который в будущем превращается в субъективно приставочное местоимение «мой». Осенью Горловка представляется мне неким давно потерянным родственником, с которым хочется выпить горячего вина и поговорить по душам. Наш город в любое время года хранит эту светлую осеннюю грусть – во взглядах прохожих, в трещинах панельных малосемеек, разбитых дорогах и заросших парках. Вновь вспоминаются строчки, но уже горловкого талантливого поэта-верлибриста Антона Куликова:

Город похож на пациента под капельницей в вену которому вливают судьбы
А еще ему принадлежат такое замечательное выражение: «Осенняя листва – оперенье падших ангелов». Горловская осень – это то, что помогает творческим людям нашего города создавать удивительные по своей красоте и силе произведения искусства. Фотографам, живописцам, музыкантам и поэтам. Как и сам город, эти творческие результаты бытия наших «художников» обычно ценят негорловчане. Почему? Уж и не знаю – видимо таков один из негласных законов этого города. Мы, в большинстве своем, заняты поиском денег, борьбой с коммунальными службами, ремонтами дорог и обсуждением несуществующих политических интриг. Нет времени остановиться и просто оглянуться по сторонам. Как тут не вспомнить еще одного великого француза, поэта Артюра Рембо:

О город страждущий, о город полумертвый, По-прежнему твой взор в Грядущее
глядит! И мрак Минувшего, о город
распростертый, Из глубины
веков тебя благословит!

Ты, плоть которого воскрешена для муки, Ты жизнь чудовищную снова пьешь! И вновь

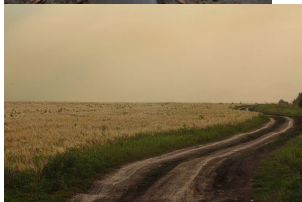
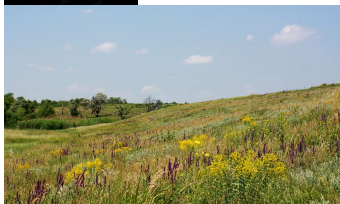
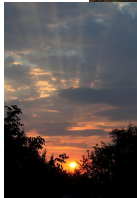
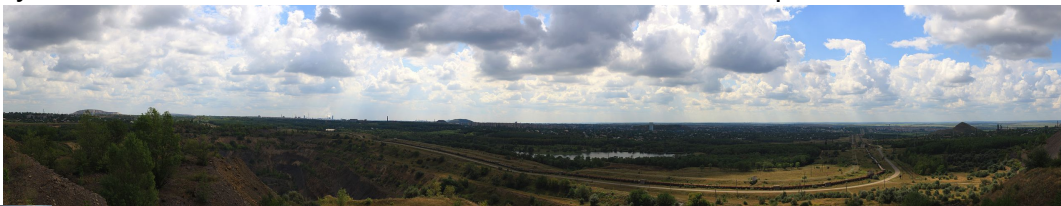
Тебя холодные ощупывают руки,

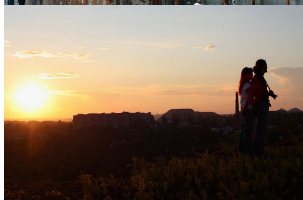
И черви бледные в твою проникли кровь.

Глядя на город в сентябре, возникает такое чувство, словно перечитываешь свои *nota bene* в школьной тетради по геометрии за 10 класс. Из отдаленных уголков сознания дельфинами воспоминаний всплывают события и ощущения. То, как ты воспринимал мир пять-десять лет назад. Люди, действия и места – все это накатывает волной и увлекает в глубины памяти, некой сумеречной ирреальности. И как-то само собой понимаешь, вряд ли что-то может быть глубже и прекраснее, чем горловская осень.

В преддверии Дня города, хотелось бы больше рассказать о том, что для меня значит этот 233-летний престарелый юноша. Но я, пожалуй, ограничусь вышесказанным. Вместо этого, предлагаю взглянуть на то, каким неожиданным может быть наш город и как он

умеет улыбаться, когда этого никто не видит. С Днем города Вас!

Егор Воронов, специально для "Горловского Медиа Портала"